

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

ЯЗЫКОВОЕ
СУЩЕСТВОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО
ГОРОЖАНИНА

На материале языка Москвы

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 801.161.1
ББК 81.2Р
К 45

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16063

Рецензенты:

доктор филологических наук *М. Л. Каленчук*,
кандидат филологических наук *Е. Ю. Кукушкина*

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

К 45 Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 496 с. — (Studia philologica). — (Вклейка после с. 288.)

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0439-3

Книга посвящена изучению речевого быта современного города. В фокусе внимания авторов — повседневные речевые практики жителей мегаполиса, т. е. их языковое существование. Аутентичные записи живой речи — это своего рода «речевой хаос», речевой континуум, который требует систематизации. Авторы выбрали принцип ситуативно-жанровой стратификации повседневной речи. В центре внимания исследователей — речевой жанр как тип текста, выделяемый на основе комплекса коммуникативных параметров ситуации. В рамках предложенной модели описания речевого жанра в книге анализируется целый ряд актуальных ситуаций городского общения («Улица», «Транспорт», «Магазин», «Аптека» и др.). Описание повседневных речевых практик горожанина представлено в контексте окружающей его речевой среды. Это не только устная речь, но и разного рода письменные тексты — плакаты, вывески, объявления и т. п.

Записи повседневной городской речи, которые авторы проводили на протяжении двух последних десятилетий, позволили увидеть динамику языкового существования горожан, заметить «старое» и «новое» в жизни города и представить речевой мир повседневности в социокультурном контексте.

Книга адресована филологам-русистам, специалистам в области социолингвистики, теории речевой коммуникации; она может быть полезна представителям «смежных» гуманитарных наук — антропологам, социологам, культурологам, исследующим мир повседневности, а также всем интересующимся проблемами современной городской речи.

ББК 81.2Р

*В оформлении переплета использована картина
А. В. Лентулова «Василий Блаженный», 1913*

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

**ЯЗЫКОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА
НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА МОСКВЫ**

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор А. Полякова. Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 17.09.2010. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная. Усл. печ. л. 31. Тираж 800. Заказ №

Языки славянских культур. № госрегистрации 1037789030641
Тел.: 959-52-60. E-mail: lrc.house@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0439-3

© М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, 2010
© Языки славянских культур, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Дорогому другу и учителю
Елене Андреевне Земской
и всем коллегам-разговорникам*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Повседневность как объект изучения в современных гуманитарных науках	9
Город в контексте повседневности: основные направления в изучении языка города	18
Задачи исследования и структура работы	33
Материал исследования	36
Условные обозначения	37
ГЛАВА 1. Горожанин и его речевая среда	40
Город как коммуникативное пространство: тенденции к дифференциации и интеграции	40
Современное городское общение: тенденции развития	50
Старое и новое в городском общении: виды коммуникации, типы ситуаций и их жанровое воплощение	50
Разновидности коммуникации в зеркале противопоставлений	62
Устная / письменная коммуникация	62
Вежливая / грубая коммуникация	71
Нейтральная / игровая коммуникация	92
Городская номинация: фрагменты описания	119
ГЛАВА 2. Языковое существование и проблемы ситуативно-жанровой стратификации городской речи	146
Вопросы изучения коммуникативно-жанровой структуры устной речи в современных исследованиях	146
Ситуативно-жанровая структура городского общения	181
Типы ситуаций городского общения	181
Коммуникативные характеристики городского общения	184
Принципы членения коммуникативного пространства	184
Коммуникативные типы городского пространства	186
Временные характеристики коммуникации	188
Партнеры коммуникации в городском общении	193
Тема	196
Ролевая структура ситуаций современного городского общения ..	198

Принципы вычленения жанров речи	200
Жанры повседневной коммуникации	218
Практическая коммуникация	221
Монологические жанры	221
Диалогические жанры	223
Фатическая коммуникация	242
Монологические жанры	244
Диалогические жанры	250
Жанры в речевом континууме	252
Особенности жанрового воплощения типовых ситуаций:	
городские стереотипы	258
Речевые стереотипы и стереотипы поведения:	
свойства и функции	258
Речевой шаблон и отступления от него	261
Иллокутивный потенциал стереотипа	262
О некоторых особенностях текстовой организации стереотипов	270
Что дает изучение стереотипов, речевых клише?	273
ГЛАВА 3. Языковое существование современного горожанина	
в ситуациях и жанрах	278
Транспорт	279
Маршрутка	280
Наземный транспорт: автобус, троллейбус, трамвай	294
Улица	311
Магазин	328
Аптека	355
Рынок	362
ГЛАВА 4. Языковое существование горожанина	
в социокультурном аспекте	381
Городские персонажи и их тексты:	
речевые произведения городских нищих	381
Кладбище	408
Недавняя история: «ушедшая натура»	
в записях устной городской речи	426
Очередь	426
Микродиалоги времени товарного дефицита	
и введения свободных цен (конец 1991 — начало 1992 г.)	438
Обмен крупных денежных купюр: «Павловская реформа»	443
Давняя история: голоса московских улиц начала XX века	
(по материалам архива Е. З. Баранова)	453
Заключение	474
Литература	477

ВВЕДЕНИЕ

Повседневность как объект изучения в современных гуманитарных науках

Предметом нашего исследования является речевой мир современного города и повседневные речевые практики горожан.

В последние годы категория повседневности активно разрабатывается представителями разных областей гуманитарного знания: антропологами, историками, философами, культурологами, социологами, психологами, лингвистами. Один из ведущих представителей феноменологической теории и истории повседневности Б. Вальденфельс писал об актуальности и перспективности этого направления: «Самые разнообразные исследования объединяются вокруг проблем обыденной жизни, и поэтому мы можем говорить о глубинном интересе к повседневности» [Вальденфельс 1991: 40].

Традиция изучения повседневности как философской проблемы идет от Э. Гуссерля. Сам же термин был введен австрийским социологом Альфредом Шюцем в связи с изучением проблемы обыденного знания и сознания. Повседневность в понимании А. Шюца — это обыденная реальность, которую человек воспринимает как существующую объективно и в которой он взаимодействует с другими людьми (интерсубъективность). Эта реальность предстает перед индивидом в его собственном переживании и интерпретации. Интерпретация основана, с одной стороны, на его личном опыте, а с другой — передается «по наследству» предыдущими поколениями [Шюц 1988: 129]¹.

---

¹ Развивая идеи А. Шюца, многие современные авторы подробно анализируют разные аспекты изучения повседневного мира людей, останавливаясь на тех трудностях, с которыми сталкиваются исследователи. Первая и основная трудность — проблема выбора термина и его дефиниции — связана с тем, что непросто подобрать подходящее слово естественного языка для обозначения данной категории. Это отчасти объясняется тем, что в обыденном сознании многие слова, относящиеся к семантическому полю «повседневность», нагружены дополнительными отрицательными смыслами. Ср.: «Само по себе выражение “повседневность”, все его

К числу основных признаков повседневности, или постоянно присущих ей свойств, А. Шюц относит следующие.

Прежде всего это самоочевидность обыденной жизни и нашего знания о ней. Познавая окружающий мир через личный опыт и опыт, передаваемый ему другими (родителями, учителями, друзьями и т. п.), человек воспринимает его как нечто само собой разумеющееся, как определенную данность. Этот опыт выступает как схема, под которую мы «подверстываем» воспринимаемые нами объекты. Объекты – ранее воспринятые и воспринимаемые — образуют «поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта» [Там же: 130].

Второе важное свойство повседневности — интерес субъективности: необходимое обыденное знание приобретает индивидуальную форму не обособленно, а во взаимодействии с другими индивидами. Анализируя структуру повседневного мышления, А. Шюц подчеркивает, что окружающий человека мир является интересубъективным миром культуры: «Он интересубъективен, так как мы живем среди других людей, нас связывает общность забот, труда, взаимопонимание. Он — мир культуры, ибо с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [Там же: 130].

Стереотипность восприятия объектов окружающей действительности и себя в ней — еще одна важная характеристика нашего обыденного сознания. Оказываясь в различных повседневных ситуациях, индивид конструирует окружающих его людей и себя самого как исполнителей типичных ролей и функций. При этом «конструкты здравого смысла», используемые для типизации «другого» и для самотипизации, социально заданы и существуют как набор определенных правил и предписаний. Ср.: «Определяя роль “другого”, я принимаю и свою роль. Типизируя поведение “другого”, я типизирую и свое собственное,

---

русско- и иноязычные синонимы не слишком удачны, надо признать, в роли научно-философских терминов, в особенности применительно к эпистемологии. С легкой руки Гегеля они приобрели негативный, пренебрежительный оттенок, упростились до мнимой ясности. На первый план в их терминологическом обороте вышло производное, вторичное, с повышенной оценочной нагрузкой значение соответствующего слова, указывающее на то, что якобы “ничем не примечательно, буднично”. Получается, что исключительно мелкому и сплошь рутинному, насквозь знакомому и смертельно надоевшему миру (точнее, миру!) повседневности однозначно противопоставляются какие-то гораздо более творческие, содержательные, интересные моменты жизни, сферы людского бытия» [Касавин, Щавелев 2004: 22].

связанное с ним поведение. Я превращаюсь в пассажира, потребителя, налогоплательщика, читателя, зеваку и т. д.» [Там же: 134].

В последние десятилетия активное изучение обыденного мира человека ведется и российскими гуманитариями. Об интенсивной работе исследователей разных школ и направлений в области изучения человека в контексте повседневности можно судить, например, по очерку «Повседневность как предмет социально-гуманитарных наук» в [Касавин, Щавелев 2004]. Однако нельзя сказать, что для отечественной науки эта проблематика является совершенно новой. Так, философия повседневности нашла свое отражение в трудах ученых «Серебряного века» В. В. Розанова, И. А. Ильина, а позднее в работах М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета. Проблемы психологии обыденного сознания исследовались Л. С. Выготским, вопросы частной жизни людей в историко-культурном и этнографическом аспектах рассматривали в своих трудах М. Г. Рабинович, О. М. Фрейденберг, Л. Н. Семёнова и др. Таким образом, важно отметить, что антропоцентрическая направленность современных гуманитарных исследований обусловлена не только влиянием ряда западных концепций, акцентирующих внимание на изучении обыденного сознания и повседневных практик людей, но и отечественной научной традицией.

Обращаясь к анализу структур повседневности с позиций разных наук (социологии, психологии, антропологии, истории, философии), исследователи так или иначе вынуждены обращаться к проблеме «повседневность и язык». О невозможности не затрагивать лингвистические аспекты при изучении данной проблематики пишет И. Т. Касавин: «Язык — ключевой объект при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь обыденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [Касавин, Щавелев 2004: 410]. Анализируя процесс коммуникативного взаимодействия индивидов в различных ситуациях, исследователь обращает внимание на проблему типизации языкового поведения, справедливо отмечая, что языковая ситуация с самого начала воспринимается партнерами коммуникации «сквозь сеть классификаций и типизаций, вытекающих из их социальных ролей» [Там же: 340]. И. Т. Касавин опирается на широко распространенную в лингвистике концепцию функциональной неоднородности языка. Поддерживая взгляд на разговорный язык как на один из вариантов общенационального языка, используемый

в «личностном общении», исследователь отмечает, что философская «концепция функциональной природы повседневности получает в лингвистике свое независимое обоснование» [Там же: 356].

Большое внимание языковой стороне исследуемых источников уделяется в работах по устной истории. Как отмечает один из наиболее авторитетных исследователей данного направления английский историк Пол Томпсон, наиболее плодотворные результаты полевые методы исследования дают при изучении микроистории, в частности, истории семьи: «В области истории семьи, например, без устных данных изучение внутрисемейного поведения и внутрисемейных отношений представляется вообще невозможным» [Томпсон 2003: 158]. При этом материал, попадающий в руки историка, весьма специфичен и отличается от традиционных архивных письменных документов как по содержанию, так и по форме. Прежде всего, устные воспоминания всегда спонтанны и непосредственны, что в значительной мере определяет особенности их текстовой организации. На эту специфику обращает внимание П. Томпсон: «Поражает различие между устным и письменным способами выражения мысли. Письменный текст имеет правильную и сложную грамматическую конструкцию, для него характерны строгость, объективность, аналитическая манера изложения, точный, но богатый язык. Устное повествование, напротив, примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» [Там же: 277]. Однако подобная «непричесанность» устного повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [Там же].

Наблюдения над формально-стилистической и содержательной стороной устных интервью привели исследователей к мысли о том, что для адекватного понимания текста необходимо проанализировать их жанровую структуру. Отмечается, что устные нарративы чрезвычайно неоднородны в жанровом отношении, они могут включать, например, такие речевые формы (типы высказываний), как анекдоты, сентиментальные истории, поговорки и пословицы, эпизоды из личной жизни, эротические переживания, рассказы о войне и т. п. В каждой из жанровых разновидностей по-разному отражается социокультурный опыт рассказчиков [Там же: 274].

Анализируя разные стороны повседневности (включая и такие «низкие» объекты материальной культуры, как унитазы, кабаки, ком-

муналки, советское нижнее белье и мн. др.), исследователи нередко обращают внимание на «речевую одежду» обыденного. Так, описанию советского коммунального быта в семиотическом аспекте посвящена книга И. В. Утехина [Утехин 2004]. В работе дается развернутая характеристика пространства коммунальной квартиры как среды обитания и представлен анализ повседневных практик ее жильцов. Одним из важных объектов исследования является и язык коммунальной повседневности. Работа выполнена на богатом эмпирическом материале, основу которого составили интервью обитателей коммуналки. Фрагменты устных нарративов приводятся на страницах книги и ярко иллюстрируют специфичность речевого коммунального быта. В поле внимания исследователя попадают особенности словоупотребления, стереотипы речевого взаимодействия и этикетные нормы, представлено описание и отдельных, специфических для данного коммуникативного пространства речевых жанров — от письменных объявлений до сплетен и «исторических преданий».

Материалом для антропологического исследования Н. Рис послужили записанные ею (либо на магнитофон, либо в блокнот) рассказы людей о жизни и повседневном опыте (включая и опыт речевой) в период с 1989 по 1990 г. Обращение к данным полевых исследований для Н. Рис неслучайно. Основная теоретическая установка автора, по ее собственному признанию, состоит в том, что «спонтанное речевое общение (разговор) является главным механизмом, посредством которого формируются и поддерживаются во времени идеологические и культурные установки» [Рис 2005: 23]. Собственно речевой материал является для автора не предметом, а инструментом исследования. Ее главная задача — исследовать социокультурные парадигмы современного российского общества. Тем не менее Н. Рис удается сделать ряд ценных лингвистических наблюдений, ср., в частности, ее исследование жанровой специфики нарратива в русской культуре.

В работе Н. Н. Козловой также анализируются тексты повседневности, но не устные, а письменные. Это частная переписка «простых советских людей». Через личный опыт авторов писем Н. Н. Козлова стремится увидеть общество в целом. Интерес к подобным «тривиальным» материалам определяется принципиальной исследовательской позицией автора книги, считающего, что глубокое исследование языковой ткани повседневных текстов необходимо для культуролога, поскольку «бытие в мире уже маркировано языковой практикой». Н. Н. Козлова пишет: «Обладать языком — обладать миром. В рамках герменевтического опыта языковая форма не может быть отделена от

содержания, дошедшего до нас в этой форме. Если всякий язык есть мировидение, то он обязан этим тому, что говорится и, соответственно, передается на этом языке» [Козлова 2005: 40].

Таким образом, сами исследователи обыденного мира человека в социокультурном аспекте отмечают, что изучение повседневности без привлечения разнообразного эмпирического материала и без анализа его языковой ткани рискует остаться в области общих рассуждений. Ср. показательное признание Н. Н. Козловой: «Интересуясь советскими повседневными практиками, я ощущала ограниченность только методологических занятий проблемами повседневности. Мне явно не хватало “мяса” истории» [Там же: 11]. Именно эта потребность в источниках нового типа — «человеческих документах», хранящих «следы повседневных практик обычных людей» [Там же], заставляет представителей разных гуманитарных наук обращать внимание не только на содержание этих документов, но и на специфику их языковой организации.

Итак, в последние десятилетия в гуманитарных исследованиях антропоцентрической направленности ярко проявился интерес к языку повседневности. Однако для лингвистики, в частности, для русистики, эта проблематика не нова и имеет богатую традицию изучения. Так, в 60-е годы началось активное изучение русской разговорной речи — функциональной разновидности русского литературного языка, обслуживающей сферу повседневного непринужденного общения горожан. В этот период сложился целый ряд научных коллективов, прежде всего, в Москве, Саратове, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Перми, изучающих подлинную, не отраженную в зеркале художественной литературы устную речь². В качестве материала использовались магнитофонные и блокнотные записи живой устной речи. (Заметим, что с самого начала важным аспектом работы с такими «нетрадиционными» источниками была выработка методики сбора, обработки и форм представления устных текстов). Результатом этих исследований явилась серия широко известных монографий и хрестоматий устной речи. В них разговорная

---

² Необходимо заметить, что изучение современной разговорной речи базируется на глубокой национальной традиции обращения к живым устным материалам. Достаточно вспомнить работы Б. А. Ларина, Е. Д. Поливанова, Г. О. Винокура, П. Г. Богатырева, фольклорные исследования Б. М. и Ю. М. Соколовых. Живая речь города была предметом активного обсуждения на заседаниях Московского лингвистического кружка в 1919—1921 гг. [Баранкова 1999].

речь (РР) рассматривалась с позиций выявления общих системно-структурных закономерностей языка. Особенности разговорной речи на всех языковых уровнях оказались настолько принципиальными по сравнению с кодифицированным литературным языком (КЛЯ), что это позволило коллективу исследователей Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством Е. А. Земской говорить о РР как об особой подсистеме литературного языка [PPP-73; PPP-81; PPP-83]. Работы представителей данного направления убедительно показали, что определяющим фактором, формирующим особенности языка повседневного общения, являются условия его функционирования, когда речь становится вербальным компонентом акта коммуникации. Внимание к проблемам коммуникативно-прагматического характера определило направление дальнейших исследований РР. На этом пути перед лингвистами встал целый ряд проблем теоретического и прикладного характера: определение набора лингвистически значимых параметров коммуникативного акта, вопросы ситуативного членения коммуникативного пространства и ситуативно-жанровой стратификации разговорной речи, приемы и методы описания конкретных жанров.

Так, в монографии «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» [Китайгородская, Розанова 1999; 2005] при описании речевого мира семьи была предложена стратификация ситуаций повседневного общения. Коммуникативные ситуации в зависимости от того, насколько «жестко» они заданы пространственно-временными координатами, делятся на два основных типа:

1. Ситуации-стереотипы. К ним относятся ситуации, обусловленные социально-биологическим ритмом жизни человека (ср. пробуждение, еда, отход ко сну), а также ситуации, задающие шаблоны быта каждой семьи и формирующие внутрисемейный хронотоп (уход на работу, семейный чай, прогулка с собакой и т.п.).

2. Спонтанно возникающие ситуации. Подобные ситуации не обнаруживают жесткой связи с хронотопом. Они могут периодически повторяться, но их повторяемость не носит регулярного характера. Спонтанно возникающие ситуации обычно группируются вокруг актуальных тематических доминант: здоровье, работа, учеба, межличностные отношения, вещный мир и т. п. [Китайгородская, Розанова 2005: 310—313].

Предложенная классификация опирается на повседневные речевые практики людей и носит самоочевидный характер. Нетрудно заметить, что при исследовании разговорной речи обнаруживают себя константы

повседневности, выделяемые А. Шюцем и другими исследователями: самоочевидность, интересубъективность, стереотипность.

Таким образом, подчеркнем еще раз, что изучение языка повседневности как в собственно языковом, так и в коммуникативно-прагматическом и культурологическом аспектах представляет собой одно из актуальных направлений современной лингвистики.

К сожалению, работы языковедов не часто попадают в поле зрения представителей других гуманитарных наук, изучающих обыденный мир человека. Несмотря на призывы к интеграции, междисциплинарные барьеры, отделяющие разные области гуманитарного знания друг от друга, все еще высоки, каждая научная область обычно имеет свой круг цитируемых авторов и редко выходит за его пределы. Так, в упоминавшейся выше книге Н. Рис есть следующее замечание: «...обычные, повседневные разговоры русских людей никогда не становились объектом изучения и интерпретации». И далее в сноске автор не без иронии продолжает развивать эту же мысль: «И российские, и западные исследователи русского фольклора, литературы и языка умудрялись обходить сферу повседневных разговоров, избегая их анализа, хотя произвели немало стереотипных представлений о живой русской речи (она-де весьма эмоциональна, драматична, духовно и философски глубока и т. п.)» [Рис 2005: 63]. Сходное утверждение содержится и в предисловии И. В. Утехина к русскоязычному изданию книги. Обращаясь к российским читателям, он замечает, что нет книг культурологической направленности, описывающих период Перестройки, поскольку из российских исследователей никому «в голову не пришло всерьез коллекционировать и анализировать все эти подробности и высказывания, искать за ними скрытый культурологический смысл и особенности национального мировосприятия» [Там же: 6]. К счастью, это не совсем так, и российские ученые также занимались изучением повседневных речевых практик россиян середины 80 — начала 90-х годов, однако это были не культурологи, а лингвисты. В первые же перестроечные годы в Институте русского языка им. В. В. Виноградова и в других научных центрах началось изучение активных языковых процессов в условиях новой социальной реальности. Эмпирическая база таких исследований включала в качестве одной из основных составляющих большой массив аутентичных записей устной речи. В середине 90-х годов, т. е. в то же время, когда вышло американское издание монографии Н. Рис, появляется целая серия языковедческих работ, посвященных языковым изменениям, происходящим в разных ком-

муникативных сферах (повседневное устное общение, политический дискурс, сфера масс-медиа), в широком социокультурном контексте. Ср., например: [Баранов 1993; Баранов, Караулов 1994; Какорина 1992; Китайгородская, Розанова 1995а; 1995б; Костомаров 1994; Русский язык конца XX столетия 1996; Ферм 1994].

Таким образом, к настоящему времени в исследованиях, относящихся к разным областям гуманитарного знания и посвященных миру повседневности, накоплен большой эмпирический материал, который мог бы стать исходной источниковедческой базой для решения самых разных научных задач. Примером такого рода работы может служить лингвистическое исследование, основой которого стали записи устной речи горожан (1993—1995 гг.), собранные санкт-петербургскими социологами в рамках проекта Университета г. Хельсинки под руководством социолога профессора Юсси Симпура. В фокусе внимания социологов оказалась повседневная жизнь семьи как базовой единицы социологического анализа. Исследователей интересовали стратегии выживания российских семей в новых складывающихся социальных условиях³. Получив в распоряжение данный материал, группа лингвистов исследовала его в соответствии со своими научными интересами. Представленный корпус текстов содержал богатый и по-своему уникальный материал для лингвистических исследований разных направлений. Так, изучались проблемы семантики, прагматики, референции, структуры дискурса и т. п. Результаты этих исследований получили отражение в коллективном сборнике [Жанр интервью 2004]. В качестве участников данного проекта мы, со своей стороны, сосредоточили внимание на гендерных характеристиках речи в рамках семейного дискурса, поскольку сам характер записей «провоцировал» выбор подобной проблематики: участниками интервью являлись (за небольшим исключением) семейные пары — муж и жена, тематика бесед — семья в контексте социальных перемен, зоны семейной компетенции и т. п. При этом особое внимание мы обращали на те социологические характеристики говорящих, которые проявляют себя в их речи и речевом поведении, взаимодействуя с семейными ролями. Кроме того, учитывались и некоторые психологические характеристики информантов (например, формальное и реальное лидерство в семье вообще или в том или ином типе семейной жизнедеятельности).

---

³ Результаты данного исследования были представлены в монографии [Pii-räinen 1997].